

Александр МУСИН

КАК ПРОХОР-ЛЕБЯДНИК КИЕВЛЯН НАКОРМИЛ... Слово 31-е Киево-Печерского патерика как источник по истории средневековой Руси и ее материальной культуре¹

Киево-Печерский патерик, сложившийся как цельное произведение не ранее XIII в., остается неисчерпаемым источником уникальных сведений по истории, культуре и быту средневековой Восточной Европы. Слово 31-е, имеющее в редакции 1462 г. уставщика Киево-Печерского монастыря Кассиана название “О Прохоре черноризци, иже молитвою в былии, глаголемей лобеда, творяше хлебы и въ попелу соль”, а в редакции 1406 г. архиепископа Арсения Тверского названное просто “О Прохоре черноризци”², не является исключением. Указанный цельный сюжет сохранил для нас как присущие киевской общине критерии чудесного и представления об аскезе, так и подробности социально-экономического и политического характера. Однако до сих пор, как кажется, само Слово не привлекало должного внимания исследователей. Попытаемся восполнить этот пробел, последовательно рассмотрев ключевые сюжеты рассказа о монахе Прохоре-лебяднике.

1. Не беда, коли в хлебе лебеда, а то беда, когда нет ни хлеба, ни лебеды.

Прохор получил свое интригующее прозвище, как можно подумать, в силу аскетизма собственного быта. Его подвиг состоял в отказе от еды, предназначенной для монастырской братии, и в самостоятельном изготовлении пищи из лебеды: “дасть себе въздержанию безмерное, яко и хлеба себе лишивъ: сбирая же лобеду и своима рукама стираа, хлебъ себе творяше, и симъ питаше... николиже хлеба вкуси, ... ни овоща никаковаже, ни питиа, но точию лобеду”. Такое поведение было необычным, что и повлекло включение истории Прохора в нравоучительный рассказ. Одновременно, в качестве неосознанно сообщаемой информации, автор предлагает очевидный пример возможности самостоятельного приготовления и вкушения пищи монахами в Печерском монастыре конца XI в. Это указывает на идиоритмический, а не общежительный характер обители, несмотря на кажущееся господство здесь еще со времени прип. Феодосия Печерского общежительного Студийского устава³.

¹ Это статья была написана к 70-летию киевского коллеги Глеба Ивакина и посвящена его юбилею. По независящим от автора причинам она не вошла в поднесенный юбиляру сборник. См.: Культурный шар. Статті на пошану Гліба Юрійовича Ивакіна / О. П. Толочко (відп. ред.). Київ, 2017. Нынешняя публикация посвящается его памяти († 22 мая 2018).

² Патерик Киевского Печерского мона-

стыря / Д. И. Абрамович (изд.) *Памятники славяно-русской письменности, изданные Императорской археографической комиссией*. Т. 2. Санкт-Петербург, 1911. С. 106–110, 206–209. См. также: *Ольшевская Л. А. История заглавий в Киево-Печерском патерике Русская речь*. Москва, 2003. № 2. С. 61–65 (здесь с. 62).

³ См. на эту тему: *Карабинов И. А. Отзыв о труде М. Лисицина “Первоначальный славяно-русский Типикон”*. Петроград, 1916.

Интересно отметить определенную эволюцию в объяснении аскетического подвига Прохора в последующих редакциях. Выпечка хлеба из лебеды приобретает здесь черты монастырского послушания. Тексты подчеркивают, что изготовление хлеба из лебеды не носило постоянного характера (“и сего приготавлиаше до года, и въ преиудущее лето тоже приготавлиаше, яко доволну ему быти безъ хлеба всъ животь свой”). Такое поведение рассматривается как пролог к испытаниям “голодом”, когда Прохор раздавал свой “хлеб” голодным людям. Однако, кроме очевидного для автора аскетизма, в рассказе о приготовлении хлеба из лебеды просматривается и дополнительный элемент чудесного, сознательно вводимый в повествование. Святой не только делал хлеб с молитвою. Он с легкостью обходил окрестности, собирая лебеду и принося ее в монастырь “на свою раму, яко на крилу”, заставляя тем самым, по Евангелию, непаханую землю приносить ему урожай. Господь, видя “трьпение его и великое въздержание, положи ему горсть ону на сладость”, сделал хлеб из горькой и, это подразумевается, несъедобной лебеды сладким и светлым, как если бы он замешивался с медом. Однако этот вкус был ощутим лишь теми, кому Прохор безвозмездно раздавал свой хлеб с благословением, а у тех, кто крал хлеб Прохора, он становился в руках “акы персть” и был горек. Неверие игумена в чудесную сладость хлеба оказывается топомом агиографии, а попытка нечестным путем заполучить хлеб Прохора для “экспертизы” заканчивается неудачей: украденный хлеб оказывался неизменно горьким. Таким образом, сам факт изготовления хлеба из лебеды в процессе рассказа оказывается индикатором индивидуальной праведности изготовителя и потребителя, позволяющим “лебедовому хлебу” стать настоящим чудом в глазах современников. Деятельность Прохора становится основой этиологического мифа, который приписывает иноку “изобретение” хлеба из лебеды: “сего видевь некий человекъ, събирающа лобеду, начатъ и той събирати лобеду, себе же ради и домашних своихъ, да темь препитаются въ гладнае время”⁴. Агиограф словно не отдает себе отчета в том, что этот эпизод противоречит логике чудесного – съедобным, согласно замыслу, мог быть только хлеб, испеченный самим Прохором.

Дмитрий Абрамович, характеризуя Патерик как исторический источник, не упоминает хлеб из лебеды как пищу средневекового общества, очевидно рассматривая его как что-то неординарное⁵. Однако, как свидетельствуют этнографические наблюдения XIX–XX вв., хлеб с лебедой или даже хлеб из лебеды (*Atriplex hortensis*) или белой (обыкновенной) мари (*Chenopodium album*), наиболее распространенных суррогатов хлебных растений, весьма часто заменял в крестьянском рационе Восточной Европы собственно хлеб, особенно в неурожайные годы на землях Центральной и Восточной России⁶. Известие Патерика о Прохоре черноризце воспринимается в энциклопедической литературе как указание на существование подобной практики издревле. Таким образом, основа рассказа о Прохоре-лебяднике исторически не содержала в себе чудесного элемента.

Элемент чудесного связан здесь не с событием, а с его восприятием. Приготовление хлеба из лебеды было частью средневековой сельской культуры См. также: *Пентковский А. М.* Типикон патриарха Алексия Студита в Византии и на Руси. Москва, 2001.

⁴ Патерик... С. 107, 207.

⁵ *Абрамович Д. И.* Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. Санкт-Петербург, 1902. С. 198.

⁶ *Эрисман Ф.* Лебеда, лебединный хлеб *Энциклопедический словарь*. Т. 17: Култагой–Лед. Санкт-Петербург, 1896. С. 412–414; ср.: *Снегирев И.* Русские в своих пословицах: рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках. Кн. 3. Москва, 1832. С. 49.

Восточной Европы. Стоит напомнить, что, согласно Патерику, сам Прохор не был уроженцем Киева, а пришел сюда из Смоленска. Очевидно, он принес с собой на юг известную ему с детства практику приготовления хлеба из лебеды, которую и возродил в Печерском монастыре. Этот рецепт оказался социально востребованным во время голода и неурожая. Таким образом, само по себе пищевое употребление лебеды не может рассматриваться как “безмерное воздержание”, а является особенностью восточноевропейской этнографии.

Удивление агиографа можно объяснить двояко. Свою роль здесь мог сыграть и категорический отказ монаха от любой другой пищи. Однако усвоение Прохору “изобретения” хлеба из лебеды, которое по его примеру было воспринято неизвестным киевлянином, выдает незнакомство автора Патерика с таким “кулинарным рецептом”. Предположительно, агиограф XII–XIII вв., принадлежавший к городской культуре Руськой земли, был совершенно чужд сельской практике, характерной для северных земель. Удивление удивленным, по нашему мнению, и составляло изначальное смысловое содержание Слова о Прохоре. По мере распространения Патерика в средневековом обществе, вероятнее всего знакомом с “лебединым хлебом”, возникала необходимость объяснить, в чем, собственно, состояло чудо Прохора, и в чем заключался его аскетизм. Это должно было способствовать появлению подробностей об особых качествах хлеба, сладкого и светлого, который изготовлялся с молитвой и раздавался с благословением.

История с хлебом из лебеды как чуда и богоугодность такой деятельности могла полюбовиться средневековому читателю и в силу единства условий средневекового быта, особенно на Русском Севере, став “этикетным сюжетом”. Это хорошо видно на примере Жития праведной Юлиании Осорьиной, составленного в XVII в. Во всех редакциях Повести говорится, что во время голода в Нижегородской земле святая “повеле оставшим рабом собирати лебеду и кору древяную и в том хлеб сотворити. И от того сама с детьми и рабы питаешся, и молитвою ея бысть хлеб сладок”⁷. Влияние Слова о Прохоре-черноризце на Житие Ульянии, как и весьма высокая вероятность того, что здесь в XVII в. во время неурожая хлеб действительно выпекался из лебеды, представляются очевидными.

По нашему мнению, подобным образом должно быть объясниться и другое чудо Прохора – претворение пепла в соль. Рассказ о нем структурирован агиографом аналогично повествованию о хлебе. Сначала описывается превращение пепла в соль, сопровождаемое молитвой, и ее последующая безвозмездная раздача нуждающимся. После этого сообщается о злом умысле начальствующего, здесь – князя Святополка Изяславича и о похищении соли из монашеской кельи ради наживы. Далее говорится о посрамлении корыстолюбивых, во рту которых соль “от Прохора” оказывается простым пеплом. Однако если в рассказе о хлебе из лебеды тема человеческого труда присутствует изначальное (“хлеб себе творяще”), то в истории с солью чудо сразу же выступает на первый план: Прохор “сбра множество попела от всех келий, и не вдуше сего никомуже, и се раздаваше приходящим, и семь бываше чиста соль, молитвами его. И елико раздаваше, толико паче множащеся”. Таким образом, по молитве праведника пепел претворялся на соль, которая сверхъестественным образом не убывала, тогда как в истории с хлебом молитва лишь придавала “лебединому хлебу” особые качества.

⁷ Житие Юлиании Лазаревской: (повесть от Ульянии Осорьиной) / Т. Р. Руди (изд.),

Р. П. Дмитриева (отв. ред). Санкт-Петербург, 1966. С. 111–112, 138–139, 156–157, 169, 184, 196, 205.

Объяснение здесь вновь может быть связано с древним бытом. При ближайшем рассмотрении изготовление соли из пепла не содержит ничего чудесного. Речь идет об архаичном способе получения заменителя соли, который до настоящего времени практикуется первобытными племенами и применяется в экстремальных условиях⁸. Он основан на процессе выщелачивания, где посредством извлечения углекалиевой соли из древесной золы готовится поташ, составлявший основу “пепельной соли”. Дмитрий Менделеев описывает этот процесс следующим образом: “Просеянную золу укладывали в деревянное корыто и наливали чистой воды. Через 4 часа часть находящегося в золе поташа растворялась в воде. Эту зольную воду или щелок сливали в чугунный котел. В корыто наливали новой воды и опять выщелачивали золу 4 часа. После третьего раза считалось, что весь поташ растворялся в воде. Разжигали огонь под котлом и выпаривали воду. После выпаривания на дне была только серая рыхлая масса, “шадрик” или серый поташ. Его собирали и прокаливали в печи, превращая шадрик в белоснежный, чистый поташ”⁹.

Этот поэтапный процесс интересно сопоставить с описанными в Патерике действиями князя Святополка: “Посылаеть же князь, да возмутъ соль всю у мниха. Привезене же бывши соли, и прииде князь, хотя видети ю, ... и видевшие вси, яко попель видети очима... повеле ю съхранити до 3 дний, да разумеють истинно. Некому же повеле вкусити, и обретесе попель въ устехъ его... Блаженный же рече [приходящим к нему за солью]: “Егда иссыпана будетъ, и тогда, шедше, разграбите ю”. Князь же, държавъ ю до трех дньехъ, повеле нощию изсыпати ю. Изсыпану же бывшу попелу, и ту абие предложися в соль”. Похоже, что читатель становится свидетелем протяженного во времени технологического процесса, когда “шадрик” в результате трехдневной выдержки должен окончательно приобрести вкусовые свойства соли.

Будет не лишним напомнить, что процесс приготовления поташа из древесной золы в Киево-Печерском монастыре действительно мог иметь вполне “ремесленные” масштабы, поскольку здесь функционировали стеклоделательные мастерские. По мнению Юлии Шаповой, именно в Киеве при изготовлении стекла происходит замена золы галофитов, характерной для Византии, местным сырьем – поташом из специально очищенной древесной золы¹⁰. Остатки стеклоделательных мастерских были зафиксированы археологическими раскопками на территории самого Печерского монастыря, а раскопки в Переяславле позволили уточнить характер такого производства в XI–XII вв. Здесь были исследованы ямы, заполненные древесным углем, тогда как культурный слой оказался насыщен древесным углем, поташем и фрагментами стекла¹¹. Возможно, что источником пепла для Прохора служили не только печи братских келий, но и монастырские мастерские. Естественно, приготовление соли

⁸ Quennell M. & C. H. B. *Everyday life in prehistoric times*. London, 1971. P. 42; Этнография: Учебник для исторических специальностей вузов / Ю. В. Бромлей, Г. Е. Марков (ред.). Москва, 1982. С. 45.

⁹ [Менделеев Д. И.] *Выщелачивание Энциклопедический словарь*. Т. 7а: Выговский–Гальбан. Санкт-Петербург, 1892. С. 604–605.

¹⁰ Шапова Ю. А. *Стекло Киевской Руси*. Москва, 1972. С. 185; Она же. *Мозаика Успенского собора Киево-Печерской лавры и*

культурные взаимоотношения Руси и Византии Византийский временник. Т. 51(76). Москва, 1990. С. 193–200 (здесь с. 198).

¹¹ Сікорський М. І. *Склоробна майстерня XI ст. у Переяславі-Хмельницькому Дослідження з слов'яно-руської археології. Збірник статей* / В. І. Довженок (відп. ред.). Київ, 1976. С. 146–151; Раппопорт П. А. *Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.)*. Санкт-Петербург, 1994. С. 54–55.

из древесной золы никогда в древних обществах не предполагало значительных объемов такого производства. Поэтому известие о большом количестве производимой соли могло рассматриваться целевой аудиторией Патерика как дополнительный фактор чудесного.

Таким образом, в случае с “лебединым хлебом” и “пепельной солью” мы сталкиваемся с архаичными пищевыми технологиями Древней Руси, практиковавшимися в центральных районах Восточной Европы XI в., но вызывавшими удивление горожан *Руськой* земли. Это удивление и нашло отражение в Киево-Печерском патерике, где такие древние практики приобрели атрибуты чудесного.

2. Почем фунт лиха....

Слово о Прохоре Черноризце сообщает интересную подробность ценообразования средневекового Киева: если в условиях дефицита две головажни соли могли продаваться за одну куну, то после появления “пепельной соли” от черноризца Прохора за ту же куну горожане отказывались покупать и десять головажень: “юже бо прежде драго продаваху, по два головажне на куну, ныне же по 10, и никтоже възимаше”¹². Таким образом, Слово сообщает нам максимальную и минимальную цену соли на киевском рынке. Сколько же весила головажня, и какова была ее настоящая цена?

По счастью, Патерик – не единственный памятник, упоминающий головажню. Девятая статья Карамзинского списка “Русской правды” фиксирует, что вирник получал на себя и трех (?) отроков недельный корм в виде 7 ведер солода, 7 хлебов и 7 головажень соли. Списки “Русской правды” демонстрируют высокую вариативность этого термина. Основной формой была “головажня”, однако поздние версии знают и другие написания – “гоаважня”, “голжажня”, “голважина”, “голвяжня”¹³. Это может свидетельствовать о быстром выходе головажни из весовой системы Московской земли, тогда как такая мера была характерна для Украины.

Сохранился термин “головажня” и в старобелорусском языке¹⁴. На Пинском Полесье XVI в. в качестве церковной десятины еще практиковалась десятая головажня от соляного мыта “ведлуг стародавнего обычая конечно безо всякого перевода”¹⁵. Интересно отметить, что Туровская уставная запись о десятине, предполагающая церковные отчисления от соляной торговли, вроде бы не знает головажни как меры соли. Однако этот документ до сих пор не получил исчерпывающей интерпретации. По наблюдениям Ярослава Шапова, значение цифр документа, показывающих пошлины с различных объемов соли, остается неясным¹⁶.

¹² Патерик... С. 107–109, 108, 207–208, 208.

¹³ Правда Русская / Б. Д. Греков (ред.). Москва, 1940. Т. 1. С. 105, 124, 149, 169, 187, 216, 246, 283, 301, 330, 348, 372, 406, 407.

¹⁴ Лебединская В. Г. Лексика, связанная с производством и продажей соли, в истории русского языка *Гуманитарные исследования*. Астрахань, 2012. № 3(43). С. 42–49 (здесь с. 45).

¹⁵ Подтвердительный лист старосты Пинского Ивана Михайловича на десятину с соляной пошлины в Мальшевскую церковь св. Иоанна, 20 февраля 1537 г. *Ревизия пуц и переходов зеринных в бывшем Великом*

Княжестве Литовском, с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пуцу и земли, составленная старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 г., с прибавлением другой актовой книги, содержащей в себе привилегии, данные дворянам и священникам Пинского повета, составленной в 1554 г. / [Н. И. Горбачевский, П. А. Гильтебрандт, И. Я. Спрогис (изд.)]. Вильнюс, 1867. С. 360.

¹⁶ “...от солоного воза 300, а 1000 30-я, от чолну 300, а 1000 30-я, от дубоса шесть сот, а 1000 30-я...”, см.: Шапов Я. Н. Туровские уставы XIV века о десятине *Археографический*

В Новгородской земле головажня также не была известна. Согласно данным писцовых книг, публичных и частных актов, а также берестяных грамот, здесь использовались такие соляные меры как “коробья”, “полчетвертка” (предположительно, восьмая часть коробки), “розмер” и “ставец”. Связь этих мер между собой и их абсолютные значения не всегда очевидны¹⁷. Более определенно можно говорить о таких новгородских мерах, как “кендарь” (2 пуда или 32, 76 кг), пуз (3 пуда или 49, 14 кг), “луб” (5 пудов или 81, 9 кг) и “берковец” (10 пудов или 160 – 163, 8 кг), производным от которого мог являться термин “бекарь”¹⁸. Берковец, который также употреблялся для взвешивания меда и воска, был в ходу, согласно данным берестяных грамот, в XII–XIV вв. (Старая Русса, грамоты № 20 [первая половина XII в.], 26 [конец XIII в.], новгородские грамоты №№ 701 [вторая половина XIV в.], 624 [вторая половина XII в.], 630 [вторая четверть XII в.], 633 [первая половина XII в.], 214 [вторая половина XIII в.], 212 [вторая половина XIII в. – рубеж XIII–XIV вв.], 184 [середина XIV в.]¹⁹. Некоторые исследователи полагают, что берковец, будучи изначально предикатом пуда (“бърковѣскъ поудъ” средневековых текстов), связан своим происхождением с торговым правом скандинавской Бирки эпохи викингов (biärkörätt)²⁰. Позднее он соответствовал “корабельному фунту” – шиффунту (schepfund), бывшему мерой веса в Балтийском регионе и равнявшемуся 400 марковым фунтам. Впрочем, по расчетам Игоря Клейненберга, в XV в. рижский шиффунт мог весить 167,6 кг, тогда как дерптский шиффунт – лишь 165,9 кг, что должно быть положено в основу расчета веса новгородского вошаного берковца²¹. При этом новгородцы могли использовать и иные меры веса при торговле воском, например, “новгородский шиффунт”, именовавшийся в XVII в. “восковой четвертью”. Он делился не на 400, а на 480 марковых фунтов.

Вернемся к головажне. Она так и не стала предметом специального исследования в историографии восточно-европейского Средневековья. Так, Д. Абрамович лишь констатирует, что головажня была мерой соли²². Николай Карамзин приравнивал головажни к “ступкам”, не указывая их веса²³. Игнатий Раковецкий перевел это место юридического памятника как “7 gasek”, которые, по его мнению, своей формой напоминали сахарную голову. Этот термин, как и сопутствующие названия “слупки” и “глувки”, в начале XIX в., по его мнению,

ежегодник за 1964 год. Москва, 1965. С. 252–273 (здесь с. 259, 273). Непонятно и то, в каких единицах в количестве 300 и 600 взималось мыто. Нельзя ли предположить, что изначально речь шла именно о головажнях?

¹⁷ *Бассальго А. Л.* Новгородские Писцовые Книги рубежа 15–16 вв.: справочник по статьям доходов, мер и ценам *Писцовые книги Новгородской земли*. Т. 2: Писцовые книги Оболенской пятины XVI в. / К. В. Баранов (сост.). Санкт-Петербург, 1999. С. 297–333 (здесь с. 310).

¹⁸ *Арциховский А. В., Борковский В. И.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1955 г.). Москва, 1958. С. 69; *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). Москва, 1993. С. 28; *Дмитриева З. И.* Метрология. Специальные исторические дисциплины: учебное

пособие / М. М. Кром (отв. ред.). Санкт-Петербург, 2003. С. 472–512 (здесь с. 499); *Каменцева Е. И.* Русская метрология: Учебное пособие. Москва, 1975. С. 52. 53–54.

¹⁹ *Зализняк А. А.* Древне-новгородский диалект. Москва, 2004. С. 713.

²⁰ *Stender-Petersen A.* Études Varègues. IV. Le livre de Birca *Classica et Mediaevalia*. Т. 5. Århus, 1943. P. 218–237; *Idem.* Le livre de Birca *Idem. Varangica*. Århus, 1953. P. 165–179.

²¹ *Клейненберг И. Э.* Новгородский вошаной берковец XV в. *Советская археология*. Москва, 1968. № 4. С. 110–125.

²² *Абрамович Д. И.* Исследование... С. 199.

²³ *Карамзин М. Н.* История государства Российского. Т. 2–3. Москва, 1991. С. 227. Иногда можно встретить информацию, что ступка Новейшего времени составляла 13,75 мл или 14 гр.

широко использовались для обозначения формовки вываренной соли на Червоной Руси, Волыни и Украине²⁴. Василий Сторожев переводил текст как “7 головок соли”, не приводя при этом никаких весовых обозначений²⁵.

Были и другие попытки определить вес головажни. Николай Аристов полагал, что “головажа значит ведро”²⁶. Ему возразил Станислав Струмилин, который использовал для своих абсолютных расчетов фунт нового времени. Это заставляет отнестись к его построениям с известной долей осторожности. Он посчитал, что в случае принятия выводов Н. Аристова “ведро-головажня” должна была бы содержать около 50 фунтов соли (фунт – 0,4095 кг). Это привело бы к цене за берковец соли “от 0,8 до 4 кун” и в среднем к стоимости пуда соли 0,24 куны. Считая такую цену невозможной, он опирался на соотношение пищевого обеспечения вирника “Руской правды”. В современную ему эпоху на 100 фунтов хлеба в городах обычно расходовалось не выше 5 фунтов соли. Следовательно, при весе каравай хлеба не более 20 фунтов необходимая для него соль не превышала 1 фунта. Такая логика провела его к мысли об объеме головажни, составлявшем, очевидно, не ведро, а раз в 50 меньшую меру – стакан²⁷, что равнялось около 220–250 г соли в весовом эквиваленте. Предположение о весе головажнив 200 г высказывалось и другими исследователями²⁸.

В современных работах можно прочесть, будто головажня соли (иначе: стопка, ступка, гуска) представляла собой в Украине эпохи позднего Средневековья – раннего Нового времени брусок соли, примерно, размером 2,5×5 см, средний вес которого составлял 60–80 г²⁹, что, очевидно, опиралось на этнографические наблюдения. Конкретный источник информации для эпохи Средневековья в исследованиях не упоминается.

Интересны наблюдения Ежи Вырозумского за торговлей солью в средневековой Польше, которая могла поступать сюда из Галицкой земли. Он сопоставляет головажню с такими терминами письменных памятников, как “capita salis” и “frustrum salis” и переводит как “główka soli”, считая, что она имела стогообразную или округлую форму. Исследователь отрицает предложенную Измаилом Срезневским этимологию термина, возводящую его к средневековому верхненемецкому слову galwei (=galwage?) как крупной мере сыпучих тел³⁰. Согласно его видению, слово “головажня” связано с польскими “główa” и “warzyć”, что изначально должно было относиться исключительно к мере

²⁴“Sól warzone wyrabiana w sztukach msiących niejaki podobieństwo do głowy cukru u góry ucięty. Takowe sztuki powczechnie Polacy tam nazywaią Słupkami, Główkami, Gąskami, Rusiny zaś Husakami”. См.: Prawda ruska czyli Prawa Wielkiego Xięcia Jarosława Władymirowicza... / J. B. Rakowiecki (red.). T. 1. Warszawa, 1820. S. 48, 134.

²⁵Киевская Русь: Сб. ст. под ред. В. Н. Сторожева. Т. 1. Москва, 1910. С. 8–9.

²⁶Аристов Н. В. Промышленность Древней Руси. Санкт-Петербург, 1866. С. 90, прим. 275.

²⁷Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России и СССР. Москва, 1966. С. 32–33.

²⁸Винник В. О. Назви одиниць виміру і

ваги в українській мові. Київ, 1966. Цит. по: Лебединская В. Г. Лексика... С. 45.

²⁹Торгівля на Україні: XIV – середина XVII століття: Волинь і Наддніпрянщина: Актові джерела: збірник / М. Ф. Котляр (передмова), В. А. Смолій, В. М. Кравченко, Н. М. Яковенко (упоряд.). Київ, 1990. С. 370; Герасименко Н. З історії мір місткості і ваги на Волині і Наддніпрянщині в XIV – першій половині XVII століть *Записки Наукового товариства імені Шевченка* (далеє – ЗНТШ). Львів, 2000. Т. 240: Праці Комісії спеціальних (допоміжних) історичних дисциплін. С. 176–186, 183, 186.

³⁰Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. Т. 1, ч. 1: А–Д. Москва, 1989. Ст. 541. Ср.: *Lexer M. Mittelhochdeutsches Handwörterbuch*. Bd. 1. Leipzig, 1872. Sp. 731.

вываренной соли. В исследовании, впрочем, не предлагается какой-либо реконструкции ее веса или объема³¹. Однако приведенные Е. Вырозумским данные о налогообложении солевой торговли конца XII – начала XIII в. помогают понять соотношение разных мер соли. Так, в районе Червенска (Помеховье) и Вышкова (Побужье) таможенный налог местным каноникам по княжескому привилею составлял 10–12 головок соли от воза. Несколько позднее, в 1218 г., булла папы Гонория III позволяла монахам цистерцианского аббатства Судеев под Лодзью получать в год 13 возов соли по 2200 головок в каждом³².

Зафиксированные здесь соотношение воза и головажни впоследствии могут помочь нам вычислить вес последней. Дополнительные основания для расчетов можно извлечь из наблюдений Н. Аристова, привязывающих цену на средневековую соль к абсолютным показателям середины XIX в., созданным на основе серебряного монометаллизма и выраженным в “копейках серебром”³³. Я признаю условность таких допущений, однако закономерности, выявляемые на этой основе в процессе самостоятельного исследования, определенно заслуживают внимания.

Н. Аристов, со ссылкой на Дмитрия Прозоровского, полагал, что куна “Руской правды” равнялась $6 \frac{2}{3}$ копейки серебром³⁴. В тоже время, согласно сведениям Гильома де Рубрука, в 1253 г. в Крыму воз соли продавался за два отреза “бумажной ткани” (согласно другим переводам – “два куска хлопчатой бумаги”) стоимостью “пол-гиперпера”³⁵. Поскольку византийский солид, по мнению Н. Аристова, равнялся гривне XIII в., то воз соли мог стоить 3 рубля 50 копеек серебром. Свои относительные наблюдения он продолжил на материале Патерика и летописей. Стоимость двух головажен соли, согласно Слову о Прохоре черноризце, он оценил от 6,5 до $1 \frac{2}{3}$ копеек серебром. В 1230-х годах в Новгороде и Пскове соль продавалась по высокой цене 7 гривен за берковец, что составляло 15 рублей 75 копеек серебром. Во Пскове в 1407 г. пуд соли стоил гривну и 8 мордок³⁶, с учетом содержания в гривне 10 мордок – 30–32 копеек

³¹ Wyrozumski J. Państwowa gospodarka solna w Polsce do schyłku XIV wieku *Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego*. Т. 178. Kraków, 1968. S. 47–48, 132. Благодарю коллегу др. Адриана Юсуповича (Варшава) за консультацию по этой теме и помощь в работе.

³² Mitkowski J. Początki klasztoru Cystersów w Sulejowie: studia nad dokumentami, fundacją i rozwojem uposażenia do końca XIII wieku. Poznań, 1949. S. 318. Nr 4. В XV в. в Великом княжестве Литовском мытная пошлина взималась в денежном выражении и за воз соли составляла один грош. Однако в XVI в. она увеличилась в 20 раз. См.: Грамота Витовта (1392–1430 гг.) Илье Вячковичу *Акты Литовско-Русского государства* / М. Довнар-Запольский (изд.). Вып. 1: (1390–1529 г.). Москва, 1899. С. 3; Посольство Михаила Еропкина к королю Казимиру, 1 января 1488 г. *Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича*. Ч. 1 (годы с 1487 по 1533) / Г. Ф. Карпов (изд.). Сборник Императорского Русского Исторического Общества. Т. 35: 1. Санкт-Петербург,

1882. С. 9; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. 2: 1506–1544 гг. Санкт-Петербург, 1848. С. 48, 49–50. № 37, 39. К сожалению, эти данные пока не могут помочь интерпретировать загадочный счет записи о десятине Туровской епархии.

³³ Аристов Н. В. Промышленность... С. 294–296.

³⁴ Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII столетия *Записки Русского Археологического общества*. Т. 12, вып. 2. Санкт-Петербург, 1865. С. 327–743 (здесь с. 705).

³⁵ Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси *Чтения в Обществе истории и древностей российских*. Кн. 3, ч. 1. Москва, 1846. С. 5–28 (здесь с. 7). Ср.: Дживонни дель Пано Карпини. История Монголов. Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны / А. И. Малеин (пер.). Н. П. Шастина (ред.). Москва, 1957. С. 90.

³⁶ Псковские летописи / А. Н. Насонов (ред.). Вып. 2. Москва, 1955. С. 34, 116 (6915 [1407]).

серебром за пуд. В 1499 г. мешок соли продавался по “пол-40 денег полчетверты гривне и менши”³⁷ или за 1 рубль 40 копеек серебром, а пуд стоил 35 копеек серебром, если мешок ровнялся осмине.

Обратим внимание на то, что по “абсолютной шкале” Н. Аристова, средняя цена за пуд соли в XV в. составляла 30–35 копеек серебром при ее колебании от 12–14 копеек серебром в 1464–1476 гг., когда пуд стоил три деньги, до 47 копеек серебром в 1409 г., когда на полтину давали “полпят зобници”, если в зобнице, как и в осмине, могло быть 4 пуда³⁸.

Признавая известную условность приведенных выше расчетов, эволюцию весовых и мерных значений при переходе от Средневековья к Новому времени и ценовую разницу между югом и севером Восточной Европы, я, все же, считаю возможным обратить внимание на очевидное соответствие: воз соли в середине XIII в. стоил примерно в 10 раз больше, чем пуд соли при нормальном ценнообразовании XV в., а именно 3 рубля 50 копеек серебром против 30–35 копеек серебром. Означает ли это, что воз соли, величина известная не только в Польше и в Крыму XIII в., но и на Вольни в XV в.³⁹, вмещал в себя десять пудов? Принимая позднейший вес пуда в 16,38 кг, стоит предположить: воз не только составлял 163,8 кг, но и соответствовал новгородскому берковцу⁴⁰. С учетом того, что воз, согласно польским средневековым источникам, состоял из 2200 головок соли, получаем возможный вес древней головажни около 75 г., соответствующий ее весу в позднесредневековой Украине. Такой результат способен подтвердить выдвинутую нами гипотезу о весовом соответствии воза и берковца⁴¹.

Современному исследователю не стоит удивляться кажущейся незначительности средневекового воза. Такой вес находит свое подтверждение в расчетах нормальной силы тяги (нормального тягового усилия), иначе говоря – нагрузки на лошадь, которая позволяет ей работать шагом без переутомления в течение рабочего дня и проявлять нормальную работоспособность, не теряя упитанности в течение многих дней. При этом необходимо учитывать и вес самой повозки, не имевшей подшипников, и круглогодичное использование в качестве воза санного транспорта, что увеличивало сопротивление пути⁴². Принято считать, у лошадей

³⁷ Псковские летописи / А. Н. Насонов (ред.). Вып. 1. Москва; Ленинград, 1941. С. 83 (7007 [1499]).

³⁸ Псковские летописи. Вып. 2. С. 35 (6916 [1409]), 117 (6917 [1409]), 159 (6972 [1464]), 164 (6976 [1467]).

³⁹ Запись пожалований великого князя Казимира 1488 г. Литовская метрика. Отд. 1: Книга записей. Ч. 1, т. 1. *Русская историческая библиотека*. Т. 27. Санкт-Петербург, 1910. С. 286–298 (здесь с. 293); Архив Юго-Западной России, издаваемый Комиссией для разбора древних актов. Ч. 7, т. 2: Акты о заселении Юго-Западной России. Киев, 1890. С. 70, 72–73; Литовська Метрика. Книга 561. Ревізія українських замків 1545 року / Підготував В. Кравченко. Київ, 2005. С. 180.

⁴⁰ Принимая эту величину для интересующего нас времени как допущение, я не могу не напомнить читателю предостерегающее мнение Льва Черепнина о том, что весовое содержание пуда и берковца для

“киевской эпохи” учету не поддается. См.: Черепнин Л. В. *Русская метрология* (Учебные пособия по вспомогательным историческим дисциплинам. 4). Москва, 1944. С. 30.

⁴¹ Известно, впрочем, что в XVII в. груз саней мог весить 20 пудов или два берковца, см.: Отписка якутского воеводы Ивана Голенищева Кутузова об обложении ясаком тоуйских тунгусов, 15 февраля 1662 г. *Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией*. Санкт-Петербург, 1851. С. 268.

⁴² Колчин Б. А. *Новгородские древности. Деревянные изделия* (Археология СССР. Свод археологических источников Е1-55). Москва, 1968. С. 51–56; Дубровин Г. Е. *Водный и сухопутный транспорт средневекового Новгорода X–XV вв.* По археологическим данным. Т. 1. Москва, 2000. С. 121–147. Некоторые исследователи полагают, что в лексиконе Новгорода термины “сани” и “воз” были взаимозаменяемы,

с живой массой 400 кг и меньше нормальная сила тяги должна составлять лишь 15% от нее⁴³. Существующие формулы вычисления этой величины включают такие параметры, как массу лошади, ее высоту в холке и охват груди. Известно, что зооархеологические исследования в Старой Рязани, Москве, Новгороде и Твери определенно свидетельствуют об основном составе поголовья средневековых лошадей как состоящего из малорослых и средних полутонконогих особей⁴⁴. Эти рассуждения делают наше заключение о возможном весе средневекового вoза и его тождественности берковцу более приемлемым.

Обосновав с некоторой степенью надежности вес головажни, обратимся к вопросу о ее стоимости. Для целей нашего исследования наиболее интересна новгородская грамота № 219, упоминающая берковцы соли и являющаяся долговым списком, сохранившимся практически целиком. Документ происходит с усадьбы “К” Неревского раскопа, где, как свидетельствуют тексты других грамот и археологические находки, проживали новгородцы, связанные с городскими магистратами, дальней торговлей в складчину, в том числе и солью, и паломничеством к латинским святыням Средиземноморья⁴⁵. Он найден в слоях рубежа XII–XIII в., а палеографическое датирование относит его к первому двадцатилетию XIII в.

Грамота № 219 изначально была прочитана как “...у Данешинича за три гривны возьмите вершу на низ Сяси. У Ярошевича два берковца за две гривны и десять кун. У Тушуя гривна соли и две ногаты. На Неревях семь...”. А. А. Зализняк попытался уточнить ее прочтение, предложив следующий вариант: “...у Ярошевича (или: Ярошевичей) за два берковца (по-видимому, соли) две гривны и десять кун. У Тушуевичей (?) гривна за соль и две ногаты за рыбы внутренности [черевы]...”⁴⁶. Однако, поскольку грамота является одним из листов многолистного текста, причем не последним, то логично предположить совпадение параллельных конструкций, фиксирующих цену на соль, связанных с

ср.: Арциховский А. В. Транспорт и средства передвижения *Очерки русской культуры XIII–XV вв.* / А. В. Арциховский (гл. ред.). Ч. 1: Материальная культура. Москва, 1969. С. 314–316. Однако в Москве и в Литве во второй половине XV в. таможенные пошлины с вoза и саней могли существенно различаться (см.: Посольство Михаила Еропкина... С. 10).

⁴³ Свечин К. Б., Бобылев И. Ф., Гопка Б. М. Коневодство. Москва, 1984. С. 232–233.

⁴⁴ Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Старой Рязани: По материалам раскопок 1946–1950 гг. *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 49: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов, т. 4: Монгайт А. Л. Старая Рязань. Москва, 1955. С. 213–219; Он же. Некоторые итоги изучения костных остатков животных из раскопок Москвы *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 167: Материалы и исследования по археологии Москвы, т. 4: Древности Московского Кремля: сборник статей / Н. Н. Воронин, М. Г. Рабинович (отв. ред.). Москва, 1971. С. 178–179; Зиновьев А. В. Обзор конституционных особенностей круп-

ного рогатого скота и лошадей из средневековых слоев г. Твери *Тверской археологический сборник*. Вып. 10, т. 2. Тверь, 2015. С. 326–330 (здесь с. 328); *Его же*. Обзор остеологического материала из раскопа Рогатицкий II 2014 г. (ул. Б. Московская, 30) *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Т. 29: Материалы научной конференции, посвященной 150-летию Новгородского музея-заповедника / В. Л. Янин (отв. ред.). Великий Новгород, 2015. С. 304–312 (здесь с. 306–307).

⁴⁵ Мусин А. Е. Кораллы в христианской культуре Восточной Европы и Средиземноморья *Российский археологический ежегодник*. Санкт-Петербург, 2014. № 4. С. 433–454.

⁴⁶ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). Москва, 1963. С. 39–41; Vermeer W. Evfim’ja, Maskim and others: critical notes on Novgorod birchbark documents *Studies in Slavic and General Linguistics*. Vol. 17: Studies in Russian Linguistics / A. A. Barentsen et al. (red). Amsterdam, 1992. P. 383–434 (здесь р. 408–412); Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 439–440.

употреблением предлогов “у...на...и”, тогда как цену за рыбы внутренности – черевьи автор мог поместить на следующем листе берестяного документа, что в конечном счете допускает и сам А. А. Зализняк. Следовательно, предпочтительным является прочтение по следующей схеме: у X на двух берковцах [соли] две гривны и десять кун / у Y на [одном берковце] соли гривна и две ногаты.

Таким образом, мы сталкиваемся с уникальной ситуацией, когда берестяная грамота сообщает нам цену товара в арифметической прогрессии. Если два берковца на рубеже XII–XIII вв. стоили две гривны и десять кун, то один берковец стоил в два раза меньше – гривну и две ногаты, тогда как в условиях дефицита во Пскове в 1232 г. за соль платил 7 гривен за берковец⁴⁷. Принято считать, что в XII в. гривна состояла из 20 ногат или 50 кун⁴⁸. Если наше прочтение грамоты № 219 верно, то и в начале XIII в. этот курс был актуален⁴⁹, и 2 ногаты составляли 5 кун. Таким образом, при нормальном ценообразовании в Новгороде той эпохи на одну куну можно было купить чуть менее 3 кг соли или почти 40 головажень, а во время дефицита – лишь около 470 г или приблизительно 6 головажень, если берковец в XIII в. весил 163, 8 кг, а головажня 75 г. В данном случае разброс цен близок к тому, что нам известно из Патерика, однако их абсолютные значения существенно разнятся. Если в условиях дефицита в Киеве, согласно агиографу и принятым нами весовым значениям, на куну можно было купить 150 г соли, то появление “пепельной соли” опустило рыночную стоимость товара ниже 750 г за куну. Однако эти цифры не могут быть принимаемы без рассуждений. Так считается, что в XI в. гривна состояла из 25 кун. Позднее кунa на юге Восточной Европы составляла не 1/50 часть гривны, а 1/40⁵⁰. Соответственно, ее покупательная способность была выше. Также остается неизвестным, можно ли переносить засвидетельствованный в поздних источниках и вроде бы подтвержденный для второй половины XIII в. вес берковца на реалии XI в. Возможно, разница в стоимости связана с местными факторами ценообразования в Наднепрянской и Новгородской земле. Однако трудно требовать от агиографа экономической точности при описании чудесных событий⁵¹.

⁴⁷ Новгородская первая летопись... – С. 72, 281 (6740 [1232]).

⁴⁸ Никитский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. Москва, 1893. С. 103; Струмилин С. Г. Оплата труда в России (Исторический очерк) *Плановое хозяйство*. Москва, 1930. № 4. С. 93–130; Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. Москва, 2009. Впрочем, Алексей Гиппиус считает нужным скорректировать эти представления, полагая, на основании прочтения берестяных грамот №№ 293 и 663, что во второй половине XII – первой половине XIII в. новгородская гривна продолжала состоять из 25 кун. При этом он не исключает: в других областях Восточной Европы двукратное удешевление куны вполне могло иметь место, см.: Гиппиус А. А. Берестяная грамота № 1072 и денежно-весовые системы средневекового Новгорода *Российский рубль: 700 лет истории. Материалы Международной научной конферен-*

ции, Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г. / П. Г. Гайдуков (отв. ред.). Великий Новгород, 2017. С. 25–36 (здесь с. 27). Как мне представляется, сведения грамоты № 219 способны усложнить наши представления о средневековых финансовых рынках: гривны разной стоимости могли бытовать параллельно.

⁴⁹ Позднее, во второй половине XIII в., гривна могла стоить, как предполагают, 10 ногат или 30 кун. См.: Прозоровский Д. И. Монета... С. 327–743 (здесь с. 513); Никитский А. И. История... С. 103–104.

⁵⁰ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. Москва, 2001. С. 217. Смоленская кунa в XIII в. также могла быть больше новгородской, см.: Аристов Н. В. Промышленность... С. 233.

⁵¹ Интересно отметить, что сюжет “демпинговых” цен зачастую используется в агиографии как индикатор нравственного состояния упоминаемых здесь персонажей. Так, в

3. Соль земли Руськой

Чудо предложения пепла в соль или, как мы видели выше, история “монастырского производства” калиевой соли из древесной золы, которое могло быть побочным продуктом при изготовлении поташа, привязано в Патерике к летописным событиям 1096–1100 гг.⁵² Оно совпадает с двумя военными компаниями киевского князя Святополка Изяславича на Волини и в Галицкой земле – сначала против Давида Игоревича, а затем – Володаря и Василька Ростиславичей: “егда же Святоплѣкъ съ Давидомъ Игоревичемъ рать зачаста про Василкову слепоту, егоже ослепи Святоплѣкъ, послушавъ Давида Игоревича, с Володимеромъ и съ самемъ Василкомъ, и не пустиша гостей изъ Галича, ни людей изъ Перемышля, и не бысть соли въ всей Руской землѣ”⁵³.

Упоминание Галича, который появляется в древнерусском летописании и актовом материале лишь в 1130–1140-е годы, не должно рассматриваться как анахронизм. Происхождение топонима от общеиндоевропейского названия соли (hal- < *sal-)⁵⁴, как и данные археологии, свидетельствует, что добыча соли и солеварение были характерным промыслом для населения этих земель во все времена: в эпоху латена⁵⁵, Средневековья⁵⁶ и Новейшие времена⁵⁷. Поставки соли из Галицкой

Житии святого Геральда Орильякского описан следующий эпизод. На обратном пути из Рима святой, узнав, что купленное им облачение из шелковой ткани стоит в Константинополе значительно дороже, возвращается, дабы возместить торговцу разницу в цене. К сожалению, конкретные цифры в тексте не упомянуты. См.: *Odon de Cluny. Vita sancti Geraldii Auriliacensis* / A.-M. Bultot-Verleysen (éd.). Bruxelles, 2009. P. 174–175 (I, 27); *Logna-Prat D. La Vita Geraldii d'Odon de Cluny Guerriers et moines: conversion et sainteté aristocratiques dans l'Occident médiéval, IX–XIIe siècle* / M. Lauwers (éd.). Antibes, 2002. P. 143–156.

⁵² Ипатьевская летопись *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). Т. 2. Санкт-Петербург, 1908. Стб. 23; Лаврентьевская летопись ПСРЛ. Т. 1. Ленинград, 1926–1928. Стб. 264.

⁵³ Патерик... С. 107–108, 207–208. Иногда предлагаемый перевод “Святополк, в союзе с Владимиром и самим Васильком, пошел ратью на Давыда Игоревича в отместку за Василька, которого ослепил он, подстрекаемый Давыдом Игоревичем...” неверен, см.: *Киево-Печерский патерик Библиотека литературы Древней Руси* / Д. С. Лихачев и др. (ред.). Т. 4: XII век. Санкт-Петербург, 1997. С. 431.

⁵⁴ *Egli J.-J. Nomina geographica: Sprach- und Sacherklärung von 42000 geographischen Namen aller Erdräume. Bd. 2. Leipzig, 1893. S. 339. Ср.: Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений. Готы и их соседи до V века. Первый период: готы на Висле. Санкт-Петербург, 1899. С. 166–168.*

⁵⁵ *Крушельницька А. Пам'ятка солеваріння рубежу ранньої і середньої бронзи в*

Північно-Східних Карпатах ЗНТШ. Т. 244: Праці Археологічної комісії. Львів, 2002. С. 140–154.

⁵⁶ *Грабовецький Б. В. Солеварні промисли Прикарпаття в період Київської Русі Київська Русь: культура, традиції. Збірник наукових праць / Я. Д. Ісаєвич (від. ред.). Київ, 1982. С. 35–39; Кочкін І., Мацкевий Л., Ткачук Т., Томенчук Б. Підсумки роботи галицької археологічної експедиції Прикарпатського університету ім. В. Стефаніка у 2002–2003 роках Галичина: всеукраїнський науковий і культурно-просвітний краєзнавчий часопис. Т. 9. Івано-Франківськ, 2003. С. 24–31 (здесь с. 30); Михайлова Р. Д. З історії вивчення галицьких соляних промислів *Народна творчість та етнографія*. Київ, 2004. № 5. С. 83–88; Петрик В., Петрик А. Дрогобицька жупа (солеварня) в світлі історичних та архітектурно-археологічних досліджень *Фортеця: збірник заповідника “Тустань”*. Кн. 1: На пошану Михайла Рожка / Ю. Лукомський (від. ред.). Львів, 2009. С. 475–489; *Берест Р. Середньовічні чернечі промисли, господарські заняття та виробництва у Галичині Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині*. Вип. 14. Львів, 2010. С. 204–217 (здесь с. 210–211).*

⁵⁷ *Томенчук Б. Соляні джерела та осередки солевидобутку Томенчук Б., Кугутяк М., Сіреджук П., Кочкін І., Волощук М. Старожитності Гуцульщини: джерела з етнічної історії населення українських Карпат. Каталог пам'яток історії та культури. Т. 2: Городища, замки, осередки солевидобутку, давні транскарпатські шляхи. Історико-археологічне видання. Івано-Франківськ; Львів, 2011. С. 152–249.*

земли в Киев в конце XI в. были вполне вероятны, а соляной кризис в Среднем Поднепровье стоит связать со вторым этапом войны. Именно тогда, изгнав Давида Игоревича из Владимира, Святополк Изяславич между 9 апреля и 12 июня 1099 г. выступил против Володаря и Василька и потерпел поражение в битве “на поли на Рожни”. Торговая блокада Киева должна была стать следствием не столько похода армии Святополка на Волынь, сколько победы галицких Ростиславичей, отказавшихся преследовать отступающего Святополка, над киевским князем.

Несмотря на очевидные соответствия между Патериком и летописью, есть здесь и определенные различия. У агиографа главным злодеем, ослепившим Василька, оказывается сам князь Святополк, тогда как Давиду, виновнику преступления у хрониста, оставлена лишь роль подстрекателя. Однако текст Слова удивляет не только этим. В то время, как, по утверждению составителя летописи, князья вступают в борьбу за “отчины” и “старейшинство”, под которыми историография подразумевает “волости”, “земли”, “уделы” и “княжения”, в памяти киевлян, запечатленной автором жития, сохранилось лишь, что “не бысть соли во всей Руской земли”. Это и стало причиной социальных нестроений. Откуда столь существенная разница в оценке происходящего?

Представляется, что дело не только в отношении автора Патерика к князю Святополку. Наука истории Древней Руси изначально складывалась как комментированный пересказ летописных известий и идеологом, зачастую лишенный критических оценок. В такой парадигме созданная летописцем князя Владимира Мономаха во второй половине 1110-х годов концепция “старейшинства” и “отчины” была перенесена в хронике на события предшествующего времени. Этот подход отвечал стремлениям историков написать идеальную конституцию Древней Руси, обосновав “схему-норму” “очередного” порядка владетельного правопреемства с ее “лествиичным восхождением”, которая реконструировалась на основе “априорных соображений о родовом быте”, завещания “рядя” Ярослава и практике первых Ярославичей⁵⁸. Соответственно, отношения Киева и прочих земель Восточной Европы исследователи описывали, исходя из ретроспективно оцениваемого политогенеза этих территорий, во что со временем дополнительно вмешался идеологический фактор. Так, Арсений Насонов полагал, что уже во второй половине XI – начале XII вв. в Древней Руси образовалась сплошная государственная территория, пусть и разделенная рубежами, где эксплуатируемое население в интересах господствующего класса было подчинено публичной власти, творящей суд и собирающей налоги в виде поборов и даней⁵⁹. Александр Зимин в связи с этим заметил, что в данной книге о “Русской земле” “уже есть следы “борьбы с космополитизмом” и что ее коснулось “суровое время искоренения объективизма”, а сам автор был вынужден “процедить сквозь зубы сталинскую формулу о двух функциях государства и занялся в духе Грекова поисками основ Древнерусского государства в седой старине, правда, не такой, как у академика”⁶⁰.

⁵⁸ Ключевский В. О. Курс русской истории. 2-е изд. Ч. 1. Москва, 1906. С. 202; Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Очерки по истории X–XII столетий (Лекции по русской истории: Киевская Русь). Москва, 1993. С. 42.

⁵⁹ Насонов А. Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследова-

ние. Москва, 1951. С. 6, 26–27. Ср.: Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. Москва, 1984; Котляр Н. Ф. Формирование территории и возникновение городов Галицко-Волынской Руси IX–XIII веков. Киев, 1985.

⁶⁰ Зимин А. А. Храм науки Судьба творческого наследия отечественных историков второй половины XX века / А. Л. Хорошкевич

Процесс взаимоотношений Русьской земли с Волынью и Галичской землей до сих пор рассматривается в описанном выше ключе как “захват территорий” “державой Рюриковичей” или присоединение к Киевскому государству “некоего административно-территориального целого”, лишь с конца XI в. разделяющегося на несколько княжеств⁶¹. В рамках такой концепции “волинский вопрос” или “волинский кризис” конца XI в. сводился к отстаиванию княжеских прав на владение Волынью⁶². Считается, что эти события были спровоцированы киевскими князьями, прежде всего – Всеволодом Ярославичем, рассчитывавшими ослабить своих конкурентов – Изяславичей, Игоревичей, Ростиславичей, Святославичей, якобы имевших “отчинные” права на Волынь, поскольку их отцы “владели” землями в этом регионе⁶³.

Попытка увидеть в раннесредневековой Восточной Европе унитарное государство уже в 1930-е годы вызвала полемику, в ходе которой звучали призывы не поддаваться тенденциозности летописи и переключить внимание с “державы Рюриковичей” на отдельные земли – “подлинные древнерусские государства”, долгое время сохранявшие свою самостоятельность⁶⁴. Впоследствии неудовлетворенность исследователей господствующей концепцией, где теория государства вступала в противоречие с источниками, проявила себя в многочисленных попытках конца XX – начала XXI в. дать новые определения восточноевропейской политики и связать ее с такими понятиями как “вождество”, “потестарное общество” и т.д.⁶⁵

Сегодня очевидно, что политогенез Восточной Европы с самого начала приобрел достаточно своеобразные формы. Становление государства здесь было связано не столько со стабилизацией территории, формированием суверенитета границ и созданием единого центра власти. Весьма вероятно, что оно вырастало из дальней торговли, контроля над торговыми путями и власти над рассредоточенными в пространстве ресурсами и пунктами обмена, осуществляемыми группировками, именуемыми в арабских и византийских источниках русью⁶⁶. Иногда эти группировки не вполне корректно сравниваются

(ред.-сост.). Москва, 2015. С. 35–383 (здесь с. 71–72). В данном случае имеются в виду главная, внутренняя функция государства – удержание в повиновении эксплуатируемое большинство населения, и неглавная, внешняя функция, связанная с формированием собственной территории, ее расширением за счет соседних государств и защитой от внешней угрозы, названные Иосифом Сталиным на XVIII съезде ВКП(б) в 1939 г.

⁶¹ Щавелев А. С. Захват территорий славянских “племен” “державой Рюриковичей” в первой половине X в. *Восточная Европа в древности и средневековье. XXVII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Государственная территория как фактор политогенеза* / Е. А. Мельникова (отв. ред.). Москва, 2015. С. 328–335; Стефанович П. С. Отношения князя и знати в Галицком и Волыньском княжествах до конца XII в. *Средневековая Русь*. Т. 7. Москва, 2007. С. 120–220 (здесь с. 120–121).

⁶² Грушевский М. С. Волинский вопрос. 1097–1102 г. *Киевская старина*. Т. 33, № 4.

Киев, 1891. С. 32–55; Т. 33, № 5. Киев, 1891. С. 259–272.

⁶³ Йоги ж. Історія України-Руси. Т. 2: XI–XIII вік. Київ, 1994. С. 71; Плахонін А. Друга волинська криза (1097–1100 роки) *Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.)*. Вип. 6. Київ, 2006. С. 177–213.

⁶⁴ Тихонов В. В. Забытые страницы советской историографии: дискуссия Б. Д. Грекова и Б. И. Сыромятникова о характере социально-экономического строя Киевской Руси *Исторический ежегодник 2012*. Новосибирск, 2012. С. 34–45.

⁶⁵ См. обзоры и тенденции в: Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012; Джаксон Т. Н. (отв. ред.). Древнейшие государства Восточной Европы. 2014: Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. Москва, 2016.

⁶⁶ Коновалова И. Г. Рассказ о трех группах русов в сочинениях арабских авторов XII–

с колониальными компаниями Нового времени⁶⁷. В результате соперничества таких группировок, не без влияния византийской политики, складывается “союз архонтов” русьско-византийских договоров – “ярлов под рукою киевского конунга”⁶⁸, который со временем превращается в патримониум Рюриковичей, получая в историографии “родовую интерпретацию”.

Эта модель, созданная в Среднем Поднепровье “разбойничьей торгово-промышленной колонией варягов”⁶⁹, воспроизводила себя на иных землях Восточной Европы по мере распространения здесь влияния Рюриковичей и связанной с ними руси. Непредвзятый взгляд на описанные в летописи события позволяет по достоинству оценить данное Борисом Грековым определение восточноевропейского политогенеза – “сколачивание аляповатого по форме” Киевского государства, претендующего на огромные территории⁷⁰,

XIV вв. *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 гг.* / Е. А. Мельникова (ред.). Москва, 1995. С. 139–148; *Она же. Русы на трансконтинентальных торговых путях IX в. Древнейшие государства Восточной Европы. 2009 г.: Трансконтинентальные и локальные пути как социокультурный феномен* / Т. Н. Джаксон (отв. ред.). Москва, 2010. С. 88–99; *Она же. Два направления экспансии русов в контексте восточноевропейского политогенеза Древняя Русь и средневековая Европа: Возникновение государств. Материалы конференции* / Т. Н. Джаксон (отв. ред.). Москва, 2012. С. 97–102; *Назаренко А. В. Территориально-политическая структура Древней Руси в первой половине X в.: Киев и “внешняя Русь” Константина Багрянородного. Сложные русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. Материалы международной конференции, 14–18 мая 2007 г.* / Б. С. Короткевич, Д. А. Мачинский, Т. Б. Сенченко (ред.) (Труды Государственного Эрмитажа. Т. 49.) Санкт-Петербург, 2009. С. 418–422.

⁶⁷ См.: *Pipes R. Russia under the Old regime.* London, 1974 (2nd ed. London, 1995. P. 31). Ср.: *Pritsak O. The origin of Rus’.* Cambridge (Mass.), 1981. Vol. 1: Old Scandinavian sources other than the sagas. P. 17, 23–24, 26–27. Недавно авторство этой аналогии присвоил себе Алексей Толочко, см.: *Толочко А. П. Очерки начальной руси.* Киев; Санкт-Петербург, 2015. С. 103–112.

⁶⁸ Об этом см., в частности: *Грушевський М. Історія... Т. 1: До початку XI віка.* Київ, 1913. С. 424–426; *Стефанович П. С. Бояре, отроки, дружины: военно-политическая элита Руси в X–XI веках.* Москва, 2012. С. 389–415 (и след.). См. оценку исторической ситуации в: *Приселков М. Д. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия исторических наук.*

Вып. 8, № 73(1940). Ленинград, 1941. С. 232–242; *Soloviev A. V. L’organisation de l’Etat russe au Xe siècle L’Europe aux IX–XI siècle: Aux origines des Etats nationaux* / T. Manteuffel, A. Gieysztor (dir.). Varsovie, 1968. P. 249–268. См. также: *Назаренко А. В. Некоторые соображения о договоре Руси с греками 944 г. в связи с политической структурой Древнерусского государства Восточная Европа в древности и средневековье: политическая структура Древнерусского государства. Тезисы докладов. VIII чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 17–19 апреля 1996 г.* / Е. А. Мельникова (отв. ред.). Москва, 1996. С. 58–63; *Платонова Н. И. Русско-византийские договоры как источник для изучения политической истории Руси X в. Восточная Европа в древности и средневековье: Международная договорная практика Древней Руси. IX чтения памяти В. Т. Пашуто, Москва, 16–18 апр. 1997 г.: Материалы конференции* / Е. А. Мельникова (отв. ред.). Москва, 1997. С. 73–77; *Ее же. Договоры руси и Византии и социальные верхи русского общества X века (к постановке проблемы) Stratum plus.* Кишинев, 1999. № 5. С. 164–168; *Белецкий С. В. Несколько замечаний о генеалогии первых поколений рода Рюриковичей Восточная Европа в древности и средневековье. Генеалогия как форма исторической памяти. XIII Чтения памяти В. Т. Пашуто. Материалы конференции* / Е. А. Мельникова (отв. ред.). Москва, 2001. С. 25–29; *Ее же. Кто такой Володислав договора 944 г.? Норна у источника судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой* / Т. Н. Джаксон (отв. ред.) и др. Москва, 2001. С. 16–23; *Стефанович П. С. Правящая верхушка Руси по русско-византийским договорам X в. Труды Института российской истории РАН.* Вып. 11. Москва, 2013. С. 18–61.

⁶⁹ *Пресняков А. Е. Княжое право...* С. 292.

⁷⁰ *Греков Б. Д. Киевская Русь.* 3-е изд. Москва; Ленинград, 1939. С. 229. Ср.: *Он же. Киевская Русь.* [4-е изд.]. Москва; Ленинград, 1944. С. 258–259.

определение, от которого исследователь, очевидно, по политическим соображениям, отказался в последующих изданиях своей монографии⁷¹. Такой подход позволяет избежать неоправданной модернизации истории, связанной с представлениями о существовавшем в древности “едином “государстве Российском” и “государственном единстве народа”, и представить Восточную Европу как “множество единовременно существовавших небольших государств”⁷², социальное и политическое содержание которых еще предстоит выяснить.

В подобной исторической ситуации борьба за “собираание земель”, как это имело место в Московской Руси, оказывается анахронизмом для событий конца XI в. Представляется очевидным, что непротиворечивое прочтение летописного сообщения о Любечском съезде 6605 г. не позволяет распространить понятие “отчины” на все территории Восточной Европы, связанные с Рюриковичами. Сообщение летописца предельно конкретно, что подчеркивается его лексической структурой: “сблюдемь Рускую землю – кождо да держитъ отчину свою: Стополкъ – Киевъ Изяславль, Володимеръ – [Переяславль] Всеволождь, Давыдъ и Олегъ и Ярославъ – [Чернигов] Святославъ; а имже роздалъ Всеволождь города – Давыду – Володимеръ, Ростиславичема – Перемышль Володареви, Теревовль Василкови и на том целоваша крестъ”⁷³. Итак, отчины существуют только в пределах Руськой земли – это Киев, Переяславль и Чернигов. Для территорий вне Наднепряничины отчины еще не существуют, по крайней мере в конце XI в. На Волыни и Галичской земле киевский архонт лишь “раздает грады” князьям – процедура, восходящая в глазах летописца к практике самого Рюрика, “раздававшего грады” своим мужам⁷⁴.

Попытки историков отыскать следы “отчинного права” потомков Ростислава Владимировича в будущей Галицкой земле в XI в. сомнительны, поскольку связаны со стремлением оправдать появление Ростиславичей на землях будущей Галичины. Согласно их исследовательской логике, княжеские претензии на владение/управление территорией могут основываться исключительно на “отчинном” праве. Точно также мнение о посажении Ростислава в качестве наместника Изяслава Ярославича во Владимире, встречающееся у Василия Татищева, оказывается результатом следования уже известной логике, в том числе и логике летописца XII в.⁷⁵ Искусственные и весьма шаткие основания таких прав были, как кажется, понятны даже настоящему “законодателю” Восточной Европы – книжнику, стремившемуся упорядочить княжеские отношения на основе наследственной теории. “Легенда” Святополка Изяславича о принадлежности власти/волоости Ростиславичей его отцу и брату, призванная

⁷¹ На это в свое время обратил внимание, в частности, Игорь Данилевский. См.: Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.): курс лекций. Москва, 1998. С. 75–76.

⁷² Сергеевич В. И. Русские юридические древности. Т. 1: Территория и население. Санкт-Петербург, 1890. С. 1; Киевская Русь: Сб. ст. С. 7.

⁷³ Ипатьевская летопись. Стб. 231; Лаврентьевская летопись. Стб. 256–257.

⁷⁴ Лаврентьевская летопись. Стб. 20. Упоминание волостей в Ипатьевском спи-

ске представляется неудачной вставкой и анахронизмом. Ср.: Ипатьевская летопись. Стб. 14 (ср.: “раздая мумемъ своимъ волости и города рубити”).

⁷⁵ Татищев В. Н. История Российская. Т. 2. Москва, Ленинград, 1963. С. 83; Плахонин А. Г. Потомство Владимира Ярославича и Волынь Вестник Удмуртского университета. Серия “История”. Ижевск, 2003. С. 98–107; Его же. Перша волинська криза (1084–1087 рр.) Україна в Центрально-Східній Європі (з найдавніших часів до кінця XVIII ст.). Вип. 3. Київ, 2003. С. 49–68.

оправдать агрессию, противоречит известию о любечском крестоцеловании, утвердившему “мир и любовь” между князьями⁷⁶.

Такая двухуровневая социально-политическая система “наследование отчин – раздача городов” являлась необходимым и достаточным условием для нормального сосуществования *Русьской* земли, состоявшей, собственно, из Киевской земли, и территорий, иногда рассматриваемых в источниках и историографии как ее “топархии-волости-анексы-колонии”⁷⁷. Впрочем, земельно-территориальный аспект этих колоний неочевиден. Территориальный суверенитет с четкими линиями государственных и административных границ является знаменем Нового времени, тогда как характерной чертой раннего Средневековья был суверенитет юрисдикционный.

Это наблюдение подтверждается постоянным упоминанием городов как объектов политической борьбы младших Рюриковичей в событиях XI в. Именно города, а не территории, земли или уделы оказываются предметом их желаний. Можно было бы предположить, что города обеспечивали контроль над территориями и за топонимами скрываются тяготеющие к ним волости. Однако у нас нет конкретных оснований для таких выводов, кроме ретроспективных рассуждений общего характера. Похоже, что власть и волость в эту эпоху еще не стали синонимами, а город обеспечивал юрисдикционные полномочия своего правителя.

Стоит подчеркнуть, что географическое положение городов, становившихся предметом вождения младших Рюриковичей, указывает на иные причины, заставлявшие князей стремиться к получению власти в этих местах. Так, в 1064 и в 1065 гг. в Тмутаракани утверждается Ростислав Владимирович⁷⁸, в 1077–1079 гг. здесь собрались находившиеся в оппозиции к *Русьской* земле Роман и Олег Святославичи и Борис Вячеславич⁷⁹, в 1081–1083 гг. город захватили Давид Игоревич и Володарь Ростиславич⁸⁰. После изгнания с Тамани в 1084 г. двое Ростиславичей пытались утвердиться во Владимире на Волыни, тогда как Давид захватил Олешье и “зая Гръчнѣки... и зая в них все имѣнье”, нанес ущерб торговле Киева с Византией и вынудив князя Всеволода Ярославича дать ему Дорогобуж⁸¹. В 1097 г. Давид Игоревич предлагает Васильку Ростиславичу обменять

⁷⁶ “Святополкъ же прогна Давыда нача думать на Володаря и на Василка глаголя яко се сеть волость отца моего и брата и поиде на ня”. См.: Лаврентьевская летопись. Стб. 269–270; Ипатьевская летопись. Стб. 244–245. Ср.: “Всеволодъ же седе Кыеве на столе отца своего и брата своего”. См.: Лаврентьевская летопись. Стб. 204 (6586 [1078]); Ипатьевская летопись. Стб. 195 (6586 [1078]).

⁷⁷ Nicetae Choniatae Historia. J.-P. van Dieten (ed.) *Corpus Fontium Historiae Byzantinae*. Bd. 11, 1–2. Series Berolinensis. Berlin; New York, 1975. P. 141 (1165 A.D.); Пресняков А. Е. Княжое право... С. 340. Ср. представления о взаимоотношениях митрополий *Русьской* земли и их колоний, отделенных от них не только большими, но и не подвластными князю пространствами в: Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) *История СССР*. Москва, 1971. № 2. С. 32–61 (здесь с. 46).

⁷⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 163, 164; Ипатьевская летопись. Стб. 152, 153.

⁷⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 199–204, Ипатьевская летопись. Стб. 190–196.

⁸⁰ Лаврентьевская летопись. Стб. 196; Ипатьевская летопись. Стб. 205.

⁸¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 196; Ипатьевская летопись. Стб. 205. Встречающееся в историографии утверждения, что Ростиславичи к тому времени уже проживали у Ярополка на Волыни, не имеет оснований в источниках. Откуда Давид напал на Олешье, нам тоже не известно. Возможно, в момент авантюры они еще пребывали вместе. Чтение Ипатьевской летописи “гречники” – купцы, торговавшие с Грецией (ср.: Ипатьевская летопись. Стб. 526 [6675 (1167)], 538 [6677 (1168)], 538 [6679 (1170)]; Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиттиус А. А. Новгородские грамоты на бересте [из раскопок 2001–2014 гг.]. Москва, 2015. С. 111–113 [№ 1012])

Теребоваль на Всеволож, Шепель или Перемышль⁸². В 1100 г. съезд Рюриковичей в Уветичах передает Давиду Игоревичу в управление города Бужск, Дубно, Острог и Черторыйск; впоследствии к нему возвращается и Дорогобуж⁸³.

Иногда приобретения Давида Игоревича характеризуются в историографии как захолустные и второстепенные в экономическом и политическом отношении города⁸⁴. Однако их география свидетельствует об ином. Власть в этих пунктах обеспечивала ее держателям контроль над торговыми путями в междуречье Буга, Стири, Горьни и Случи, которые связывали Галицкую и Волынскую земли с Русьской землей. Борьба за Тмутаракань и Олешье, в силу их исторической специфики – быть воротами Восточной Европы в Черноморско-Средиземноморский регион⁸⁵, свидетельствует, что речь шла именно о контроле над дальней торговлей. Такая практика, берущая свои истоки в IX–X вв., характерна и для всего XI в. Много ранее, в 1021 г., после победы князя Ярослава Владимировича над Брячиславом на реке Судоме, первый в качестве залога будущего союза передает побежденному города Усвяты и Витебск⁸⁶, игравшие важную роль в системе торговых путей Днепро-Двинского региона⁸⁷.

Претендовавшие на эти города младшие Рюриковичи не были “изгойми”⁸⁸. Они являлись полноправными политическими фигурами Восточной Европы своего времени. Однако они знали “ахиллесову пятю” Киевской Руси – ее зависимость от дальней торговли и контроля над торговыми путями. Во время войны на Волыни в 1100 г. племянник Давида Игоревича Мстислав (Всеволодович?) отправляется “на море”, что трактуется как попытка “перенять купцов”⁸⁹, сопоставимая с авантюрой самого Давида в Олешье в 1084 г. Для того, чтобы получить право на членство в “союзе архонтов” и “иметь причастие” в Русьской земле⁹⁰, нужно было заставить киевского князя считаться с собой,

представляется предпочтительней, нежели упоминающиеся в Лаврентьевской редакции “греки”.

⁸² Лаврентьевская летопись. Стб. 265; Ипатьевская летопись. Стб. 239.

⁸³ Лаврентьевская летопись. Стб. 274; Ипатьевская летопись. Стб. 249–250.

⁸⁴ Котляр Н. Ф. Формирование территории... С. 47, 54.

⁸⁵ Об этом см., например: Котляр Н. Ф. Тмутараканские заботы киевских князей *Норна*... С. 191–197; Чхаидзе В. Н. Тмутаракань – владение Древнерусского государства в 80-е гг. X – 90-е гг. XI веков *Вестник Московского городского педагогического университета*. № 1(5). Москва, 2010. С. 20–37.

⁸⁶ Новгородская IV летопись *ПСРЛ*. Т. 4, ч. 1. Москва, 2000. С. 111 (6529 [1021]); Новгородская Карамзинская летопись *ПСРЛ*. Т. 42. Москва, 2002. С. 62 (6529 [1021]); Софийская I летопись *ПСРЛ*. Т. 6, вып. 1. Москва, 2000. С. 172–173 (6529 [1021]).

⁸⁷ Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки средневековой археологии и истории Псковско-Белорусского Подвинья) *Институт истории мате-*

риальной культуры РАН. Труды. Т. 44. Санкт-Петербург, 2015. С. 126–131 (и др.).

⁸⁸ Пресняков А. Е. Княжое право... С. 45–46; Пестерев В. В. “А се четвертое изгойство и себе приложим...” в Уставе князя Всеволода Новгородика-2012. *У истоков российской государственности: материалы IV международной научной конференции, 24–26 сентября 2012 г.* Ч. 1 / Д. Б. Терешкина и др. (сост.). Великий Новгород, 2013. С. 206–214.

⁸⁹ Лаврентьевская летопись. Стб. 273; Ипатьевская летопись. Стб. 248. См.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. 1, т. 1–2. Москва, 1962. С. 391.

⁹⁰ Обратившийся к анализу этого термина А. Толочко усвоил ему несвойственное эпохе псевдодоброгогословское и изначально родовое содержание, см.: Толочко О. П. Русь: держава і образ держави. Київ, 1994. С. 16, 22, 23, 24–27, 35 (прим. 87). Однако был поддержан в этом Наталией Яковенко, дословно воспроизведшей предшественника и выдвинувшей тезис о борьбе князей за “киевское причастие”, см.: Яковенко Н. М. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. Київ, 2006. С. 43–44.

чего достигали ограничением свободы торговли, жизненно необходимой Киеву. Аналогичным образом правитель Киевской земли, раздавая города младшим Рюриковичем и тем самым заключая с ними своего рода “ряд-договор”, рассчитывал с их помощью контролировать коммерческие пути, которые, в случае с Волынью и Галицкой землей, вели в Европу. Отметим, что этот “союз архонтов” лишь впоследствии принял форму сюзеренитета одного рода Рюриковичей над Руськой землей и в силу этого не может быть сопоставлен с европейским феноменом *corpus fratrum*⁹¹.

Таким образом, Слово о Прохоре черноризце, назвав соляную блокаду Киева и стремление князя Святополка Изяславича монополизировать торговлю солью главным следствием “волынского кризиса” 1097–1100 гг. для киевлян, задает верную перспективу исследования событий XI в. – переход от сконструированного летописцем соперничества за отчины к изучению форм борьбы за контроль над торговлей и торговыми путями – архаичским наследием социально-политической и экономической системы Восточной Европы IX–X вв.

Институт історії матеріальної культури РАН

⁹¹ Ср.: Назаренко А. В. Порядок престолонаследия на Руси X–XII вв.: наследственные разделы, сеньорат и попытки десигнации

(типологические наблюдения) *Из истории русской культуры* / А. Д. Кошелев, В. Я. Петрухин (сост.). Т. 1: Древняя Русь. Москва, 2000. С. 500–519.